

The background of the entire page is a complex, abstract geometric pattern. It consists of numerous irregular, overlapping shapes in shades of light gray and white, outlined with thin black lines. Interspersed among these shapes are small, rectangular blocks of a muted red or terracotta color. The overall effect is a dense, textured, and somewhat chaotic visual field.

Полина Освальд

**НЕ НАРИСОВАННЫЕ
ПОРТРЕТЫ**

Полина Освальд
Не нарисованные портреты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305047

ISBN 9785449324245

Аннотация

Решив жить дальше после неожиданной утраты деда, Виктор перебирается в завещанный ему особняк. Странные и немного пугающие портреты, обитающие дома, сразу же привлекают внимание мужчины. Может, неспроста?

Содержание

1 Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Не нарисованные портреты

Полина Освальд

© Полина Освальд, 2018

ISBN 978-5-4493-2424-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Глава

Сегодня солнце светило особенно ярко. Его верные спутники, лучи, заглядывали в окна домов и прочих каменных громадин, слепя своим светом их обитателей. На столь нахальный визит со стороны незваных гостей, люди могли ответить лишь жалкими попытками отгородить себя от них: зажмуривали глаза, строя при этом уродливую гримасу; задвигали шторы, отчего в доме становилось мрачно и неуютно, а также много чего бесполезного.

Хотя иногда попытки не были такими уж жалкими. Например, некоторые просто уходили в более тенистую часть дома или же отодвигались от слепящих лучей, наблюдая, как небольшое скопление пыли медленно передвигалось по светлым лучам.

Подобное зрелище не оставляло Виктора Павлова равнодушным. Он часами мог сидеть на полу, наблюдая за перемещениями пыли по солнечным дорожкам. Это завораживало и пленяло его. В такие моменты мужчина не думал ни о чем, кроме пыли. Но сегодня Виктор был равнодушен к ней.

Пустой и одновременно полный боли взгляд был устремлен в никуда. Казалось, светлый и ясный день не мог ни радовать. Однако человеку, сидящему на полу, было не до погоды. Целиком и полностью его сердце заполняли печаль

и скорбь. Причиной этому послужила неожиданная кончина деда Виктора, Бориса Ивановича, которого мужчина так сильно любил. Эта любовь зародила еще в детстве мужчины, когда тому было лет пять отроду. В то далекое время родители Павлова отвозили его на лето к деду, у которого мальчику никогда не было скучно. Они вместе с Борисом Ивановичем постоянно что-нибудь мастерили, правда, для данного вида деятельности у Виктора никогда не имелось при себе ни таланта, ни какой-либо предрасположенности. Все время получалось нечто неказистое, разваливающееся и страшное. «Да уж, Витя, не быть тебе рукоделом», – говаривал его дед, всякий раз, когда видел, что смастерил внук. После чего его лицо начинала озарять самая светлая улыбка на свете. И все время Виктор не понимал, почему улыбался его дед. Ведь то, что сооружал маленький Витя, было просто ужасно. Однако эти неудачи не отбивали у Виктора желания навещать Бориса каждое лето. А когда внук стал старше, то уже приезжал к деду чуть ли не каждые выходные.

От воспоминаний о дедушке, на сердце у Виктора становилось тепло и горько. Огромный ком подступал к горлу и застревал в нем. И именно сейчас, сидя на полу с красными от слез и недосыпа глазами, в потрепанном костюме, сопровождавшегося такой же прической, он понял причину, заставлявшую Бориса Ивановича награждать своего внука улыбкой при каждой неудаче. От этого стало еще печальнее. Огромный ком сковывал горло, а горечь и ярость подступа-

ли с каждой минутой.

Костяшки Виктора пронзила острая и жгучая боль, когда он нанес по полу очередной удар, полный горечи и ярости. Затем, резко поднявшись с пола, мужчина переключился на стену. С каждым нанесенным ударом костяшки болели сильнее, но это не останавливало Виктора. Он бил и бил по бетонной стене, не обращая внимания ни на что, как было и с пылью, когда она его еще интересовала. Алые пятна проявлялись отчетливо на белой стене, смешиваясь с другими такими же. Увидев на полу подле импровизированной кровати, состоявшую из какой-то подстилки и небольшой подушки (так мужчина спал уже два дня, будучи не в силах дойти до кровати) бутылку, он схватил ее за горлышко и с размаха метнул ее о стену. Тысячи мелких осколков разлетелись в разные стороны, небрежно ударяясь об пол и отскакивая от него.

Виктор упал на колени и, закрыв лицо руками, принялся издавать истошные звуки, схожие с рыданиями. Они были то тихими, то наоборот громкими, иногда резко обрывающимися. А порой звуки были настолько бесшумными и неслышными, будто Виктор плакал внутри себя.

По правде говоря, Павлов никогда не позволял себе плакать или же рыдать. Нет, вы не подумайте, что он считал это слабостью. Вовсе нет. Просто за всю свою жизнь он еще никогда не сталкивался лицом к лицу с таким горем,

от которого хотелось бы не просто рыдать от душевно боли, а кричать. Ведь именно в такие моменты слез бывает просто недостаточно, и тогда боль вырывается наружу, принимая разнообразные формы. Гнев. Ярость. Отрешенность. Безразличие. Глубочайшая печаль. Замкнутость. Растерянность. Шок. Об этих формах можно рассуждать часами, днями, а возможно и месяцами.

Силы начали покидать Виктора, слишком много энергии было потрачено для одного дня. Не в состоянии доползти до настоящей кровати, располагавшуюся в соседней комнате, он лег на импровизированную. Как только его голова оказалась на мягкой подушке, его глаза закрылись.

Звонкий, надоедливый звук раздался в ушах Виктора, когда он открыл глаза. Поначалу, мужчина не понял, что происходит, видимо количество выпитого алкоголя дает о себе знать, но после нескольких секунд до него дошло, что надоедливый звук – это ничто иное, как дверной звонок. Однако Виктор не поспешил к двери – подумал, что незнакомец сам уйдет, после долгого игнорирования с его стороны. Но этого так и не произошло. Наоборот звук стал еще протяжнее и надоедливее. Будто незнакомец жал на кнопку дверного звонка, что есть мочи, явно не намериваясь уходить или же

бросить свое занятие. Виктор не знал, кто стоит за дверью, но уже всем своим существом Павлов недолюбливал незнакомца.

Подойдя к глазку Виктор увидел перед собой небольшого роста старика с козлиной седой бородкой. Взгляд его был устремлен вверх. Оглядев того с ног до головы, Павлов все-таки решил открыть дверь, чтобы узнать, чем его персона привлекла внимание незнакомого ему человека.

– Павлов Виктор Анатольевич, я полагаю, – произнес старик, как только дверь распахнулась. Пренебрежительно посмотрев на Виктора, тот едва заметно скривился.

– Да, я. А в чем собственно дело? – поинтересовался мужчина, стараясь сохранить презентабельный вид. Данная ситуация его даже забавляла. Он, весь потрепанный, с помятым лицом, лохматый, спрашивал у незнакомого старика: «В чем дело?», пытаясь при этом сохранить приличный вид.

– Может, Виктор, Вы для начала впустите меня? – строго, словно учитель, спросил собеседник, отчего Виктор даже немного растерялся, подумав, что он ученик, не выучивший урока.

Прижавшись к стене, мужчина освободил проход для незваного гостя. На минуту Виктор предположил, будто этого старикашка со своей козлиной бородкой – маньяк. Мгновенье спустя, он отогнал бредовые мысли прочь и проследовал в комнату следом за гостем. Устроившись по-хозяйски в кресле Виктора, тот сложил руки и принялся разглядывать

интерьер в комнате. Павлов смотрел на старика большими глазами, его действия повергли мужчину в легкий шок.

– Я, Леонид Григорьевич, – наконец представился старик. – Ваш покойный дедушка, Павлов Борис Иванович, составил завещание, которое мы с ним сформировывали в последние его месяцы, – медленно проговаривал тот, переводя свой взор с интерьера на Виктора.

– Ясно. Вы пришли узнать, почему меня не было на оглашении завещания? – спросил Павлов, нахмурившись. Он не пришел на оглашение, потому что не захотел. Ведь мужчина считал, что нечестно будет, если он просто так заберет то, что его дед наживал все жизнь. Это было бы неправильно.

– Нет, мне неинтересно, почему Вы не пришли, чтобы почтить память собственного же дедушки, – и снова этот учительский тон, подумалось Виктору. От слов старика на душе ему стало противно и мерзко. Леонид был прав. Отведя взгляд в сторону, он продолжил слушать гостя. – Я пришел, потому что дал обещание Борису Ивановичу, что завещание будет оглашено для всех. Особенно для вас, – Леонид Григорьевич принялся рыскать в своей папке. После продолжительных поисков заветная бумага была найдена. Надев на кривой нос очки, Леонид принялся читать текст, пропустив при этом имена, которые в данный момент были не важны. То есть все, не считая имени Виктора. «А своему горячо любимому внуку, Виктору Павлову, я передаю в наследство свой особняк, который я приобрел месяц назад. Мне он осо-

бо и не нужен, но Вите он скоро может понадобится. Я тяжело болен и скорее всего не протяну еще месяц. Поэтому он должен взять этот особняк. Ведь дороже него у меня никого нет. И Витя, пожалуйста, не возвращайся снова к алкоголю, он тебя погубит». Это все, – сухо объявил Леонид. Виктор пребывал в замешательстве. Он не мог поверить в то, что дороже него у его деда никого никогда не было. И что только ему дед готов отдать целый особняк. Это было слишком для Павлова. Он не мог принять столь огромный подарок.

– Я не могу, – твердо сказал Виктор, стараясь поступать правильно (как ему казалось), хоть ему и хотелось с минуту на минуту перебраться туда из своего жалкого пристанища. Нет, вы только не подумайте, что Виктор жил в убогой халупе, кормя тараканов да крыс. Нет. Его квартира была большой и просторной для человека, который к тридцати пяти годам успел нажить хоть какое-то имущество, зарабатывая деньги собственным трудом. Но по сравнению с особняком его деда, скромная обитель Павлова не шла ни в какое сравнение.

– Извините, но данный вопрос решать не Вам. Вы уже не вправе отказаться, ведь дом уже оформлен на Вас и принадлежит Вам. И единственное, что Вы можете сейчас сделать, так это переехать в свой новый дом и благодарить Бориса Ивановича, – все так же по-учительски произнес Леонид. Виктору было не по нраву, что только что появившийся человек указывает ему, что делать. Виктор уже не маль-

чик и знает, что и как ему делать без всяких там Леонидов. Старик, увидев, что довел своего собеседника до точки кипения, встал с кресла и проследовал к выходу. – Возьмите, – сказал он, передав Виктору папку с документами на дом. – И не тяните с этим, – произнес Леонид Григорьевич, стоя уже за порогом квартиры. – Ваш дед хотел бы... – старик не договорил, Виктор перебил его:

– Он мертв. Он уже ничего не хочет, – резко оборвал мужчину собеседника и захлопнул дверь прямо перед его носом. Затихающие шаги, слышные за дверью, медленно отдалялись, оставляя Виктора наедине с собственными же мыслями.

В середине дня Виктор решил привести себя, да и всю квартиру, в порядок. И, конечно же, мужчина решил начать с себя. Для начала он немного причесал торчащие во все стороны волосы. Затем принял душ и сменил одежду на более свежую. После чего взялся за квартиру. К счастью, не во всей квартире было грязно, а только в комнате, в которой Павлов обосновался за эти два дня. Сначала мужчина замазал белой краской бетонную стену, которую он так отчаянно бил несколько часов назад. После смел осколки, оставшиеся от бутылки, которую он сам же разбил. Импровизированной кровати пришел конец, когда Виктор разобрал ее, решив, что на настоящей ему будет куда лучше. Он был прав.

Виктор управился лишь под конец дня. Подойдя к зерка-

ду он увидел перед собой мужчину лет тридцати пяти с черными волосами. Глубокие изумрудные глаза украшали лицо Виктора, придавая ему некой загадочности. Густая борода располагалась на нем. Острые черты лица так и выделялись, особенно скулы, к которым всегда тянуло противоположный пол. Было время, когда Павло даже упивался столько повышенным вниманием среди женской аудитории. Но это было давно и уже прошло. Виктору уже давно никто не нравился, а влюблялся он раза два в своей жизни. Возможно, это было оттого, что Виктору уже не доставляло удовольствия гоняться за каждой встречной девчонкой. Он больше не находило это занятие нечто таким, отчего срывало бы крышу и хотелось на всех любовных парах нестись к кому-либо.

Еще раз взглянув на свою бороду, Виктор понял, что та его невероятно старит. Он безо всяких раздумий направился в ванную комнату, чтобы сбрить *кустарник* на своем лице.

Спустя минут пятнадцать его лицо было гладким, словно никакой бороды и не было вовсе. Еще раз посмотрев на себя в зеркало, Виктор увидел, что потерял три-четыре года, что дарила ему борода. Довольный, он последовал в комнату и скользнул взглядом по лежащей папке с документами.

С тех пор, как ушел Леонид Григорьевич, мужчина даже не удосужился открыть ее. Но, пересилив себя, Павлов все-таки открыл папку и принялся изучать ее.

Когда она была досконально изучена в сотый раз, Виктору стало интересно, где же все-таки находится это место. «Да

уж, оставили мне дом... у черта на куличиках», – подумалось Виктору, когда он нашел адрес своего будущего проживания. Да, Павлов всерьез намеривался перебраться туда. Слова Леонида не выходили из его головы. Нет, конечно, Виктор не считал, что старик прав. Но и считать, что тот сказал что-то не так, тоже было бы ошибкой.

Совість понемногу начинала брать свое. Хотя без действия алкоголя тут тоже не обошлось. Павлов сильно сожалел, что не пришел на оглашение завещания. По сути, этот механизм сожаления запустил Леонид, сказав, что Виктор даже не пришел для того, чтобы почтить память собственного же деда. Снова это противное чувство. Виктору стало мерзко от самого себя. Вместо того, чтобы почтить деда, он заливал в себя бесконечные бутылки алкоголя и, подобно жалкому человеку, жалел себя, заливаясь горькими слезами. Виктору хотелось ударить самого себя. Вот так он себя сейчас ощущал. И единственным верным решением оставалось лишь принять особняк от деда, тем самым почтив его память.

Спустя два часа, за которые Виктор успел собрать все необходимое, он уже стоял на станции вокзала, полный разнообразных размышлений по этому поводу, ожидая поезда. Мужчина задавался вопросом, почему именно ему дедушка отдал особняк? Ни своему сыну Алексею (дяде Виктора), ни дочери Марии (матери Павлова), а именно ему. На этот вопрос у Виктора не находилось точного и правильного отве-

та. А даже если бы таковой и имелся, то Виктор бы никогда не узнал, верен ли он на самом деле?

Когда длинная металлическая гусеница прибыла, стуча по рельсам своими маленькими ножками-колесиками, Виктор не спеша поплелся к ней. Расположился мужчина в купе, чему он был очень рад, ведь он никогда не любил путешествовать в плацкарте. Помимо самого Виктора в купе также находился молодой парень по имени Василий. Наружность у него была приятная: длинные каштановые волосы, располагавшиеся на плечах; синие, как глубоководное море, глаза и крепкое телосложение, но никак у какого-то качка.

За время поездки Виктор узнал, что Василий неплохо умел владеть гитарой, на которой его сосед по купе позже сыграл ему. Но, как довелось выяснить Павлову, профессия его приятеля не была связана с музыкой. Василий работал поваром в одном из ресторанов Ярославля. Конечно, парень еще с детства хотел играть в рок-группе на бас-гитаре, но как он сказал: «Не сложилось». Однако, несмотря на это, Василий вместе со своими друзьями Андреем, Вячеславом, Шуриком и Алиной (его девушка) частенько собираются и играют что-нибудь просто ради развлечения, что доставляет им большое удовольствие. Когда пришла очередь Виктора рассказывать о себе, то он начал с профессии. Мужчина преподавал актерское мастерство в государственном университете. Сначала Павлов сам был актером в одном из драматических театров, так же как и все закончил гос. университет

и все в таком роде. Но вскоре ему предложили ровно на один месяц попробовать себя в преподавании актерского мастерства, так как Виктор отлично владел актерской игрой, а преподаватель уволился, и надо было временно его заменить, пока не найдут нового учителя. Однако Павлов так этим увлекся, что решил окончательно остаться на этой должности. Виктору всегда нравилось, так, скажем, делиться своими знаниями с другими юными артистами, вкладывать в них частичку себя. Ведь ученики Виктора подобно семенам, если приложить максимум усилий, то они прорастут и уже не будут просто пылью в земле, а чем-то иным, чем-то прекрасным. Помимо всего этого Виктор рассказал, что он увлекается фотографией. Особенно ему нравится снимать природу, но сейчас он забросил это дело. Так как начался новый учебный год, и к нему повалила огромная куча студентов, жаждущая знаний, половина из которых были трудно обучаемы актерскому мастерству. И поэтому приходится устраивать дополнительные занятия, которые идут по несколько часов в день. Примерно по три часа на одного необучаемого ученика. Слава богам, Виктор собрал их в группы и теперь ему было не так тяжело.

Несмотря на то, что Виктор был на десять лет старше Василия, они быстро нашли общий язык. Всю дорогу они рассказывали друг другу истории из собственных жизней. Иногда веселые и задорные, а временами и грустные. Но печальных они повествовали редко.

За три дня Павлов и Давыдов (фамилия Василия) здорово сдружились, и когда пришла пора расставаться, то было даже немного грустно. Однако плюсы все же имелись. Виктор и Василий вышли на одной станции, значит, они были в одном и том же городе, и был шанс, что они снова смогут увидеться. Но это был всего лишь один шанс на миллион.

Когда Василий растворился в толпе, а Виктор уже было тоже хотел пойти, кто-то резко схватил его за руку мертвой хваткой. Запястье Павлова охватила невероятная боль и жжение. Развернувшись, Виктор увидел, что обладателем мертвой хватки является хилый, казалось, на вид старик. Недолго думая, тот повел своего «пленника» подальше от толпы. После чего он отпустил запястье Виктора, которое мужчина принялся расстегать, думая, что это как-то снимет боль.

– Вы кто такой? – обратился Виктор к незнакомцу.

– Аким я, – хрипло ответил старик, вытерев нос тыльной стороной ладони. От этого жеста Павлов скривился, но тот не заметил этого. – Аким Ильич. Для всех просто Аким или Ильич. Но для тебя Аким Ильич, – нахмурился старик, бросив недовольный взгляд в сторону Виктора, отчего мужчине стало не по себе. Ему не нравился этот старик. – И запомни: я не корова, – заявил он, после чего словил на себе взгляд Виктора, полный непонимания. – чтобы кому-то нра-

виться, – продолжил он для уточнения. – Понятно? – спросил Аким, получив положительный кивок от своего собеседника, тот продолжил: – Леонид Григорьевич сказал, чтобы я каждый день в течение месяца стоял здесь и тебя ждал, даже фото мне твое дал, чтоб я не запутался, – рассказал Аким.

– И сколько ты здесь уже стоишь? – спросил Виктор. Аким метнул в его сторону недовольный взгляд.

– Я не позволял тебе со мной на «ты» общаться. Ишь, чего удумал!

– Но Вы же обращаетесь ко мне на «ты», почему мне нельзя? – озадачился Виктор.

– Потому что я тебя старше и поэтому могу так к тебе обращаться, а ты еще щенок, – объяснил тот, хмурясь еще сильнее. – Никакого уважения.

– Какой я щенок? Мне тридцать пять лет! – пустился в спор Виктор, подобно подростку.

– А мне восемьдесят. Так что не спорь, и давай пойдем уже, а то стемнеет скоро, – хрипло скомандовал старик. После чего вместе с Виктором направился на автобусную остановку.

Все то время, что они ждали автобус, никто не произнес ни слова. Виктор изредка поглядывал на Акима, однако спутник его такого не делал. Полный раздумий взгляд старика был устремлен вдаль, сморщенные губы еле заметно шевелились.

Вдали начало приближаться нечто красное, когда это

подъехало поближе, Виктор понял, что это автобус. После того, как Павлов и его престарелый спутник сели в него, он сразу же тронулся и продолжил свой путь по бесконечно длинной дороге. Спустя час маленькие прозрачные капельки начали ложиться на стекло. Серые тучи окутали небо, заполонив собою солнце, что верно освещало путь все это время. На душе у Виктора снова стало темно и мрачно. Он, дабы не смотреть на начинающийся дождь, отвернулся от окна и принялся рассматривать пассажиров. К его большому разочарованию, их было не больше пяти. Наверное, за столько долгий путь все они вышли на своих остановках.

В самом углу, подле стены, сидела рыжеволосая девушка в наушниках. Несмотря на погоду, лицо ее было улыбчивым, никак у других пассажиров. Казалось, своим светом, незнакомка могла осветить весь автобус, да и улицу, как бы заменяя солнце. Рассмотрев девушку повнимательнее, Виктор увидел, что на вид ей лет двадцать пять. «Всего лишь на десять лет меня младше...» – подумалось ему. Через мгновение мужчина отогнал бредовые мысли и продолжил разглядывать остальных пассажиров. Но, как выяснилось, все они, по его мнению, были скучны и однообразны. Никто из них даже не улыбался, кроме, конечно же, той незнакомки. Быстро потеряв интерес к пассажирам автобуса, Виктор принялся снова глядеть в окно, за которым уже вместо огромных городских сооружений виднелся смешанный лес. Пока Виктор любовался лесом, то не заметил, как заснул, манящая

красота леса усыпила его, погрузив в объятия Морфея.

Виктор проснулся от резкого толчка в левое плечо. Распахнув глаза, он увидел, как Аким подгоняет его к выходу из автобуса. Полностью проснулся мужчина только на улице. Дождь уже давно перестал идти, оставив после себя множество зеркал, расположив их на земле. Повернув голову в правую сторону, он увидел лес, в левую – большой холм, на котором располагалось огромное сооружение, напоминающее особняк.

– Чего как Вертишейка-то? – проворчал старик. – Головой вертишь, вертишь, точно Вертишейка. Теперь так тебя звать буду, – скрипучим голосом сообщил Аким, без единой нотки юмора в голосе.

Повернув в сторону особняка, Аким направился к нему, Виктор последовал за своим спутником. Пока они шли, мужчина все время рассматривал природу этого места, вертя головой каждую минуту. «Точно Вертишейка» – подумал про себя Виктор.

Остановились около больших чугунных ворот. Добыв неведомо откуда ключ, Аким принялся вскрывать замок. Ворота со свойственным им скрипом открылись. Пред взором Виктора предстал двухэтажный особняк, давивший на него всем своим величием. Эйфория и испуг атаковали Виктора. С одной стороны он был рад тому, что это теперь его новый

дом, а с другой ему было очень страшно оттого, с какой скоростью поменялась его жизнь. Конечно, Виктор был любителем перемен, но никогда они происходили настолько быстро. Никто не любит быстрые перемены.

Увидев, что Аким уже стоит на пороге дома и шныряет новым ключом в замке, Виктор поравнялся с ним и спустя мгновение дышал ему в затылок.

– Свет не загораживай, Вертишейка, – обратился к нему Аким. Мужчина отошел в сторону.

Когда послышался заветный щелчок, дверь открылась, но без скрипа, что немного удивило Виктора. Но на этом удивление его не заканчивалось. Зайдя в дом, мужчина увидел, что тот выглядит довольно чисто и опрятно, будто бы здесь кто-то убирал. Однако, подумав, что здесь последний месяц своей жизни жил его дед, который, по-видимому, все прибрал, Виктор прогнал удивление. Мужчина принялся осматривать дом. Первыми его внимание привлекли большие портреты, висящие на стенах дома, по три на каждой стене.

– Кто их написал? – спросил Виктор у Акима, указывая на портреты. Вместо ответа старик пробубнил что-то невнятное. – А их можно куда-нибудь на чердак убрать? – спросил мужчина, разглядывая портрет усатого мужчины в плаще.

– Нет! – резко выпалил Аким, выпучив при этом глаза так сильно, что казалось, будто бы они сейчас выкатятся из собственных орбит и покатаются по полу в неизвестном направ-

лении. – Пусть так весят, чем они тебе помешали-то? – сменив легкий испуг на строгость, спросил старик. Виктор был слегка ошеломлен такой реакцией, но вскоре пришел себя.

– Хорошо, пусть весят, – робко ответил мужчина, почувствовав себя пятилетним ребенком перед строгим воспитателем. Больше Виктор не спрашивал о портретах, только рассматривал.

Также внимание Виктора привлекла огромная люстра, висящая на потолке около главного входа. Недалеко от нее, внизу, расположилась деревянная лестница, ведущая на второй этаж, на полу же стелился огромный мягкий ковер. Помимо зала с люстрой, на первом этаже разместились небольшая столовая, кухня, терраса, личный кабинет, холл, ванная комната и гараж-навес. Увидев все это, у Виктора разбежались глаза, отвисшая челюсть широко распахнулась, он не мог выдавить из себя даже и половины слова. А ведь это был только первый этаж. В чувство его привел резкий звук закрывшейся двери. Это означало, что Аким покинул дом, видимо, у того появились свои дела. Но это несколько не опечалило Виктора, наоборот ему стало легче. Старик его малость раздражал и казался каким-то странным.

Когда Виктор поднялся на второй этаж, сделал вывод, что комнат на нем меньше, чем на первом: три спальни, холл, гостиная, балкон и ванная, но это никоим образом не расстраивало его, наоборот мужчине хотелось, подобно ребенку, прыгать от радости. Его счастьем не было предела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.